

Алена Алексина

ИГРА СО ЗВЕРЕМ. ХОД ПЕШКОЙ
ИГРА СО ЗВЕРЕМ. ШАХ КОРОЛЮ

•
ПЕРЕХЛЕСТЬЕ

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Алена Алексина

Перехлестье

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Роман

Москва, 2014
 АРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
А48

Серия основана в 2011 году
Выпуск 144

Художник
А. Клепаков

Алексина А.

А48 Перехлестье: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 378 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-1918-0

Никогда не подходи к магу. Не прикасайся к нему, не благодари. Никогда не противься дэйну. Только он может спасти от мага. Почитай богов. Сторонись колдунов. И не пытайся изменить текущий порядок.

Но что, если в мире, где уже давно ничего не меняется, появится та, которая просто не знает устоявшихся правил? А когда узнает, не захочет им подчиняться? Что, если она прикоснется к магу, наплюет на богов и не побоится стать колдуньей? Что случится в этом случае? Скорее всего, боги просто не выживут. И это изменит все.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Алена Алексина, 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ISBN 978-5-9922-1918-0

Автор выражает глубокую благодарность за помощь и советы своим замечательным друзьям: Chelcy, Sauria, БруСтар и Лизке, а также всем читателям, чья внимательность и неравнодушие помогли значительно улучшить эту историю.

ПРОЛОГ

Много-много лет назад

Обнаженная нога покачивалась, отвлекая внимание. Белая, с мягким округлым коленом, она должна была притягивать взор, заставляя думать о теплой шелковистой коже и прохладных простынях. Мужчина опустил взгляд, чтобы не поддаваться на молчаливый призыв.

— Эта нахалка просто издевается надо мной! — Гневное восклицание заставило его все-таки перевести взор на обладательницу соблазнительного тела. — Я даже не удивлюсь, если выяснится, что она спит и видит, как я отойду к праотцам!

— Морака? — то ли спрашивая, то ли утверждая, произнес мужчина.

Действительно, только родная сестра могла так легко вывести эту женщину из себя.

— Что на этот раз вы не поделили?

— Не поделили?! Она выразила соболезнования относительно твоей неверности! — Молодая пышнотелая женщина сердито отбросила за спину белокурую косу. — А еще поинтересовалась, как часто в постели со мной ты повторяешь ее имя! Да как она посмела!

Мужчина вздохнул, слушая эти гневные восклицания, но промолчал.

— Почему она все делает мне назло? Ей больше нечем заняться? Маркус?!

— Вы — богини, Талис, — мягко напомнил Маркус. — Ей просто скучно, вот она и... развлекается.

— Развлекается? Она пыталась присвоить себе мое творение! И решила, что это ей сойдет с рук.

— Ну ты же вернула «свое творение», — Маркус грустно усмехнулся. — Я здесь, у твоих ног, где мне и место.

Талис застыла и смерила собеседника пристальным взглядом:

- Ты недоволен?
- С чего ты так решила?
- Отвечай!

Мужчина поклонился:

— Ты — богиня. Как я могу быть недоволен? Ты сделала меня тем, кто я есть. Разве я могу сказать «нет»?..

— Кому? — Она вскинула бровь.

— Твоей сестре, например. — Голос Маркуса звучал ровно. — Тебя не было. Ты посещала свои храмы. И что в результате? Я наказан, а она шлет тебе издевательские письма.

— Зачем? — топнула ножкой прекрасная дева. — Зачем она это делает?! Она моя сестра, в конце концов!

Мужчина склонил голову, всем видом показывая, что божественное провидение — дело не его ума.

— Не смей молчать, когда я с тобой разговариваю!

— Моя богиня, речь идет о твоей сестре..

— Говори. Немедленно.

Узник вскинул глаза на красавицу, стоящую напротив:

— Талис. Ты младше. Она привыкла опекать тебя. А сейчас ты вырвалась из-под этой опеки. Стала сильнее. Красивее. Она просто пытается насолить из зависти. Твои храмы переполнены, твои слуги возносят молитвы в твою честь, а ее..

В покоях ощутимо похолодало, и через миг звонкая пощечина нарушила тишину комнаты.

На щеке пленника отпечатался инистый след маленькой, но такой сильной ладони. Маркус вздрогнул всем телом и снова склонился перед своей властительницей.

— Ты говоришь о моей сестре, — напомнила она.

— Прости, моя богиня. — Мужчина замер, а кожа там, где ее коснулась ледяная рука, стремительно немела и наливалась жгучей болью.

Но Талис не беспокоили его мучения. Она задумалась.

— Отчего ты прыгнул в ее объятия?

Пленник едва сдержал нервный смешок. «Прыгнул в объятия...»

— Меня к ней не влекло, но у... — Он хотел сказать «у вас», однако вовремя осекся: — У Мораки множество способов убеждения. Я не мог не подчиниться.

— И... и ты *не сказал*?! — разъяренная богиня снова топнула ногой. — Почему?!

— Когда, моя повелительница? Когда ты заковала меня в наказание или когда...

— Хватит! — Талис щелкнула пальцами, уничтожая цепь, тянущуюся от ног мужчины и крепящуюся к кольцу в стене. — Я ужасна, да?

— Ты — Талис. — Маркус провел костяшками пальцев по шелковистой щеке женщины. — А я... никто.

Она улыбнулась, считая его слова прощением, а мужчина смотрел на богиню и поражался тому, с какой легкостью она забывает свои прегрешения.

— Наше соперничество становится даже забавным, — промурлыкала красавица, наслаждаясь лаской. — Сам посудите: маги, колдуны...

— Зачем они вам? — негромко спросил Маркус, продолжая поглаживать нежные скулы Талис. — Зачем вам понадобились маги и колдуны? Для чего вы их создали?

— Богам нужны верные слуги — вершители их воли... Те, кто будет вселять страх, сеять хаос...

— ...и тем самым побуждать людей верить и возносить молитвы? — закончил он.

— Мм, ты умен... — Женщина усмехнулась. — Это так... волнует.

Он напрягся, пытаясь совладать с глухой тоской. Некогда сильный правитель, владыка огромной страны, Маркус и впрямь был неглуп, и Талис часто пользовалась его проницательностью и подсказками.

— Я лишь человек, моя богиня, — негромко сказал пленник, с любовью глядя в прекрасное запрокинутое лицо. — Мой век скоро закончится. Как я оставлю тебя?..

В его голосе было столько горечи, что Талис распахнула глаза и внимательно посмотрела в лицо, обезображенное ударом, — кожа на правой скуле почернела и начала отслаиваться.

Нежная ладонь скользнула по изуродованной щеке, исцеляя.

— Кто сказал, что скоро? И кто сказал, что ты меня оставишь? Я богиня. И рядом со мной может быть только бог.

— Я... смогу... стать равным тебе? Помогать? — медленно проговорил мужчина, глядя с обожанием на женщину. — Защищать?

Она улыбнулась:

— Меня не надо защищать, Маркус. Но ты будешь рядом. Всегда. Я так хочу. И у меня на это достаточно сил. Кроме того... мне нравится злить дорогую сестрицу.

— Талис... — Он замолчал, потому что дыхание перехватило. Впереди вечность...

— У тебя такое лицо, будто бы ты счастливейший из живущих. — Она рассмеялась.

— Так и есть.

— О да... Что ты хотел сказать?

— Я знаю, как сделать так, чтобы Морака больше нам не докучала...

Женщина кивнула, позволяя рассказать, а выслушав, улыбнулась:

— Раз ты все это придумал, тебе и расхлебывать.

Маркус поклонился.

Путь первый. Грехобор

Когда придет полночный час и стук раздастся в дверь,
То не смыкай усталых глаз, обманным сном не верь.
Быстрее гостю отворяй, и пусть он в дом войдет,
Ведь только дэйн — ты так и знай! — от волшебства спасет!

Малышка напевала под нос, возясь на лужайке перед большим добротным домом. Девочка была очень занята — она строила из веточек шалашик для лыковой куклы. Солнце немилосердно палило с неба, припекая кучерявую макушку. В деревне царила тишина. Не горланили петухи, не блеяли овцы, даже цепные псы и те предпочитали лежать в тени, тяжело и прерывисто дыша, вывалив розовые языки до земли.

Жарко!

Может быть, именно поэтому сморенные зноем собаки не учуяли пришлеца? Он вошел в поселение никем не замеченный и медленно брел по дороге, загребая ногами пыль.

От магов дэйн спасет всегда, то знает млад и стар,
Он уничтожит без труда творца запретных чар...

Путник остановился в нескольких шагах от маленькой пелуны и замер, словно заслушался безыскусным мотивом. Осухшее темное лицо, иссеченное глубокими бороздами стариковских морщин, окаменело. Только растрескавшиеся губы сжались в тонкую линию, а ладони — в кулаки. Да еще старый шрам, едва заметный в складках морщин, стал блеее.

Мужчина судорожно вздохнул и посмотрел на свои руки. Кончики пальцев стремительно сковывал мерцающий иней. Странник медленно разжал кулаки. Растер холодными ладонями уставшее лицо в попытке взбодриться и успокоиться. Все ведь правильно она поет. Дэйны и впрямь защищают от вол-

шебства, подчиняясь укладу, завещанному людям от богов. Стоят на страже порядка. Вот только цена этого порядка уж слишком высока. И платили ее не жители деревень или городов, не служители храмов и уж точно не сами дэйны или вѣдии.

«Уймись». И сразу отпустило. Во всяком случае, глухая, непримиримая ярость как-то поугасла. Холодный голос трезвого рассудка, эхом отозвавшийся в больной голове, прозвучал вовремя. Ой, не надо еле живому путнику думать о справедливости. Нет у лишенца права рассуждать о божественном провидении. Да и пользы от подобных мыслей никакой. Маета одна.

Поэтому странник шагнул прочь от безмятежно играющего ребенка. Шагнул... и остановился. Видимо, недостаточно он успокоился, потому что ноги против воли понесли его ближе к девчужке.

Вот ведь птаха беспечная! Она заметила незнакомца лишь тогда, когда мрачная тень упала на почти готовый шалашик. Девочка вскинула голову, жмурясь против солнца. Курносая. И верхняя губа трогательно вздернута. Ни испуга, ни оторопи. Смотрит на чужака с любопытством, даже прикрылась ладошкой от слепящих полуденных лучей. Взрослый как взрослый. Только тощий, запыленный, весь в морщинах, а седые патлы сосульками висят вдоль лица и спадают, не убранные, ниже плеч.

На мгновение ему показалось, что она не боится... Темный соблазн, неодолимый, выматывающий душу, подтолкнул мужчину сделать еще один — последний — шаг и протянуть девочке руку.

Такая чистая... такая легковерная... ребенок... Обмануть ее не составит труда, пока эти ясные яркие очи глядят в его — погасшие и пустые.

В этот самый миг глаза маленькой певуньи (которая уже и позабыла петь!) широко распахнулись — дитя увидело, что на правой руке мужчины нет мизинца. Несчастливая дернулась, чтобы сбежать, но уже попала в капкан пристального взгляда. Пухлые ручонки разжались. Лыковая кукла упала в траву.

Да, иди сюда, дитя, ближе...

Она поднялась, глядя огромными глазами, в которых застыл страх. Шагнула вперед, даже протянула ручонку, готовая принять его дар...

НЕТ!

Мужчина резко закрыл глаза, испугавшись сам себя, и отшатнулся, разрывая связь. Девочка хлопнула ресницами, в туманенных зрачках вспыхнул запоздалый ужас.

Очнулась.

Заплакала от обиды и страха, бросилась прочь, путаясь ногами в подоле рубашонки, боясь оглянуться — вдруг *он* гонится следом?

Он не гнался. Остатки сил, что еще теплились в измученном теле, ушли на то, чтобы противостоять Злу, живущему внутри. Жажда, голод, усталость, отчаяние — все смешалось, и в этой жгучей смеси хотелось захлебнуться, ведь избавиться от нее, выплеснуть или даже просто разделить с кем-то другим не получится. Слишком долго ждал. Слишком долго шел...

— Эй! — Резкий окрик заставил мужчину разлепить сожмнутые веки.

Солнце сияло чересчур ярко. Слепило, усугубляло головную боль и жажду. Но все же сквозь обжигающе ослепительный свет получилось разглядеть спешащего к чужаку высокого крепкого и явно рассерженного парня. Лет семнадцати, не больше.

— Ты чего сестру напугал?! А ну...

В этот самый миг, когда грозное молодецкое «ну» должно было перейти в крепкий удар, вышибающий из полуживого странника остатки сознания и страданий, тот вскинул навстречу разгневанному заступнику обе руки.

Парень осекся и как-то сразу сжался — лишённые мизинцев ладони повергли его в оторопь. Он даже попятился, но через миг все же совладал со страхом, остановился, нахмурился и вновь шагнул вперед. Правда, уже без прежней решимости.

— Чего надо, бездольный?! Ты тут не нужен!

— Позови старосту, — едва слышно прошептал чужак.

Бушевавшие в нем боль, гнев, усталость, отчаяние уже побеждали рассудок, затапливали его глухой злобой. Еще немного и...

Похоже, стоящий напротив юноша это понял, потому что бросился прочь, испуганно оглядываясь на шатающегося из стороны в сторону пришельца.

Миг. Другой. Как долго они не идут! И солнце... солнце так печет... А во рту совсем пересохло, уже и язык не помещается, хочется вывалить его по-собачьи... И сердце так гулко тукает в висках, что можно оглохнуть. Мужчина снова закрыл глаза. Он не видел, как из дома напротив, крепко ругаясь и на ходу подтягивая штаны, бежит староста — кряжистый, совсем седой, но при этом подвижный и крепкий мужик с кустистыми бровями и поджатыми от досады губами. Вот он остановился

напротив шатающегося путника, окинул настороженным взглядом по-прежнему вскинутые беспальные руки.

— Знахарь? — с какой-то затаенной надеждой в голосе спросил староста, приглаживая рукой всклокоченные волосы. И в сердцах выматерился, когда чужак в ответ отрицательно покачал головой.

— Выгони его, бать... — с благоговейным ужасом прошептал стоящий рядом парень, но тут же умолк, когда отец шагнул вперед.

Без слов поняв, чего от него хотят, странник слегка повернул голову, открывая на обозрение свой шрам — длинный и грубый, тянущийся от левого виска вниз по скуле, шее и так до самого кадыка.

— Грехобор... — выдохнул староста и резко повернулся к сыну. — Живо! Освободите с братьями водяную мельницу. Поставьте туда три пустых ведра, а одно наполните зерном! И принеси семь грошей. Чего стоишь, дурень?!

«Дурня» как ветром сдуло, а его родитель стремительно обернулся к виновнику переполоха и спросил:

— Сам дойдешь?

Тот в ответ только кивнул. Говорить сил уже не было. А потому он медленно двинулся вперед, загребая немеющими ногами дорожную пыль. В голове уже не осталось связных мыслей, только одно стремление — дойти. Потому что если не сможет...

Староста семенил следом, не зная, чем помочь жалкому доходяге, который мог сгубить всю деревню. Грехобора нельзя касаться, так что как бы ни хотелось дотащить эти живые кости до мельницы самому, приходилось лишь растерянно бежать след в след, крыть проклятого сквозь стиснутые зубы и надеяться, надеяться, что дотащит себя проклятый.

Путник едва брел, шатался, будто хмельной, один раз запнулся обо что-то в пыли (а может, и не запнулся — просто на ногах не устоял) и припал на колено. Староста охнул и от ужаса присел.

— Ну, давай, вставай, вставай! — Он бегал вокруг склоненного мужчины и хлопал себя руками по бокам, словно насадка, потерявшая цыпленка. — Уже ж пришли! Вставай, родненький!

«Родненький» сумел подняться с третьей или четвертой попытки. В нем уже не было жизни. Не было мыслей. Осталось только упрямство. И злоба. Яростная злоба на тьму, что вот-вот могла взять верх. Он брел, до скрипа сжав зубы, челю-

сти свело от мучительного усилия. А в ушах грохотала кровь: «Тук. Тук! ТУК!»

Силы покидали. И вот, в тот момент, когда измученный странник уже не надеялся достигнуть цели, в лицо ему повеяло прохладой близкой реки, а через миг слух уловил и мерное поскрипывание водяного колеса. Хвала богам, цель близка!

Лишь когда еле живой путник добрел до мельницы и даже не вошел — ввалился внутрь, с губ переполошенного старосты слетел вздох облегчения. Спасены. И он рывком закрыл дверь, чтобы не видеть того, что будет твориться внутри.

А внутри пока еще ничего и не творилось. Грехобор привалился к стене и судорожно дышал, пытаясь сглотнуть сухой ком, застрявший в горле. Тело била дрожь, внутри тоже все дрожало. Осталось чуть-чуть. Шаг. Другой.

Пустые ведра взлетели и поплыли по воздуху, когда мельничное колесо начало крутиться все быстрее, и быстрее, и быстрее. Деревянные бадьи наполнялись водой, летели к скорчившемуся на дощатом полу мужчине, опрокидываясь на седую голову и сгорбленную спину. Но живительная речная влага не касалась накалившейся от солнца макушки и усталых плеч. Шипя, она превращалась в пар, и ведра стремительно мчались обратно, вновь погружались в реку и снова неслись назад. Бесчисленное количество раз. И долго, мучительно долго...

Когда Грехобор наконец почувствовал холод обрушившейся на раскаленное тело воды, за окном уже стояло утро следующего дня. Почти сутки в этот раз ушли на то, чтобы очиститься. Содержимое очередной бадьи окатило с головы до ног, и казалось, будто иссушенная кожа впитывает влагу, словно губка. Мужчина поднял голову, потряс мокрыми волосами, отгоняя стоявший перед глазами туман. Последнее ведро он опрокинул на себя уже сам, чувствуя, как прежние сила и спокойствие наполняют тело и рассудок, по-собачьи потряс головой и, наконец, глубоко вздохнул, словно очнувшись от сна.

Он направился ко второму выходу с мельницы, попутно захватив ведро, в котором еще вчера было зерно. Золотая сыпучая пшеница.

Речка встретила чужака прохладой и мерным плеском ленивых вод.

Груз чужого зла, скопившийся за последние месяцы странствия, казалось, уже вот-вот собирался расплющить под собой владельца. Не было ничего мучительнее, чем это странное тя-

нущее чувство, возникавшее всякий раз, когда нечто неведомое рвалось наружу, грозясь высосать из тела все живые соки, все человеческое. Уже несколько дней странник не притрагивался к еде — она, как и вода, стухала в его руках. Зато сейчас, когда вода смыла с него скверну, можно, по крайней мере, напиться.

Грехобор сделал несколько нерешительных шагов по настилу. С трудом переставляя еще неверные ноги, спустился по узкой лесенке к берегу. Здесь он встал на колени и припал к потоку, словно животное, что истомилось от жары и жажды. Он никогда не пил из горсти. Когда складываешь лодочкой ладони, лишённые мизинцев, не получается забрать в них много воды, да и пить не сподручно. Куда как проще прильнуть по-звериному и пить, пить, опустив лицо в холодный прозрачный поток.

Путник мог бы пить очень долго, но все-таки успел вовремя сообразить, что не принимал воды уже более полутора суток. К сожалению, измученный долгим переходом осознал это слишком поздно — тогда, когда желудок, доведенный до отчаяния, судорожно сжался, а затем подпрыгнул к горлу. Мужчина едва успел отвернуться к берегу, прежде чем его вырвало желчью напополам с водой. Он вытер губы, снова умылся и лишь тогда почувствовал, что стало действительно легче. Отсюда, с берега, сквозь плеск растревоженных волн доносилось мерное поскрипывание водяного колеса. И все-таки Грехобор слышал, как кричит от боли река, которая омыла его от скверны. Воды бурлили и пенились, бились о берега, яростно отбрасывая в траву мелкие мокрые камушки.

— Матушка, не гневайся. Прими, — тихо попросил странник.

И вода зашумела, словно принимая его просьбу.

Только после этого пришлец вывалил в поток прогнившее, испорченное зерно. Волны закипели, скрывая нечистоты в глубине, и река успокоилась.

— Спасибо, матушка.

Опустившись на берег, странник какое-то время бездумно разглядывал блики на воде. Сейчас, в этот миг, он был почти... спокоен. В душе не бушевало зло, ни одна темная мысль не проникала в мозг. Он сидел на траве, не чувствуя ни голода, ни жажды, ни жары, ни собственного уставшего за долгие дни пути тело. Как всегда бывало в моменты избавления, он не ду-

мал ни о чем, кроме спасения. Еще никогда прежде он не был столь близок к безумию.

Почувствовав на руке какое-то легкое шевеление, Грехобор скосил глаза и увидел, как по запястью медленно и деловито ползает на рукав рубахи пчела. Предоставив ей самой решать, к кому лхнуть — к человеку или цветку, мужчина закрыл глаза. Теперь ему было странно подумать, что еще некоторое время назад пчела эта, сядь она на его руку, упала бы замертво.

Сегодня странник едва совладал с собой. Едва не сгубил случайно попавшуюся на дороге девочку. Как хотелось попросить ее: «Возьми! Возьми это! Возьми навсегда, чтобы я больше не знал подобной муки». Сейчас его даже передернуло от этой мысли. Чуть не убил ребенка, поддавшись собственной слабости. То-то маленькая испугалась и бросилась прочь. Дети не хуже животных и птиц чувствуют зло и опасность. Особенно такие крохи. Их не обманешь ни ласковыми улыбками, ни уговорами.

Лишенец устало усмехнулся, вспомнив, как замелькали в подоле рубашонки пыльные пухлые пятки. Хорошо, что девочка убежала. В этот раз ему было очень трудно бороться с подступившим искушением и болью, схватившей нынче за горло.

Мужчина снова открыл глаза и посмотрел, как пчела, деловито подергиваясь, продолжает ползти по грубой ткани рубахи.

Сейчас ему уже лучше, сейчас он может держать себя в руках и, пожалуй, даже сумел бы пройти мимо ребенка, не напугав того до слез. Он мог бы поиграть и с собакой или кошкой, вот только никто из зверей в здравом уме не подойдет к такому, как он, — слишком страшный путь у Грехобора. Столько зла, сколько носил в себе бездольный странник, безгрешное существо не может воспринять и выдержать. Потому-то чаще псы рвались с цепей, почуяв запах чужака, потому-то щенки, жалобно скуля, забивались в углы, а кошки шипели и изгибались дугой.

Вот уже девять лет как Грехобору не удавалось погладить или как-то иначе приласкать домашнее животное. Даже лошадь по холке потрепать. А когда-то он любил ездить верхом...

С той поры много воды утекло. Воды, которая смывала с проклятого путника чужое зло. Поскольку кому, как не проточной бурной воде, выполаскивать грязь и скверну? Вода все смоеет, все очистит и примет даже то, что не примет земля. Он с наслаждением вдохнул речной воздух — сладкий, полный мелких брызг.

Мужчина прижался спиной к мощной деревянной свае, которая удерживала часть настила перед мельницей, и посмотрел на небо. В пронзительной безоблачной синеве возникла черная точка. Она все увеличивалась и увеличивалась, росла и росла, пока не превратилась в птицу, кругами парившую над мельницей.

Вот птица сложила крылья и камнем рухнула к земле. Наверное, полевку увидела... Но нет. Опустилась в траву и скосила желтый глаз на человека. Грехобор глянул в сторону странного пернатого гостя, но не двинулся с места. Сокол... символ свободы. Он как издевка и постоянное напоминание о судьбе следовал за путником. И нет бы всегда, а то лишь последние несколько дней. Птица никогда не мешала, просто неожиданно вдруг оказывалась в поле зрения, появляясь именно тогда, когда это было особенно уместно. Когда измученный, усталый человек мог думать о чем-то другом, кроме зла, раздирающего душу на части. Когда он мог думать о себе. И о своей жизни.

Такое поведение живого существа было для мужчины в диковинку. Птица не боялась его! В отличие от людей... Мужчина на мгновение прикрыл глаза, пытаясь вспомнить ощущение от чужого прикосновения, и... не смог. Слишком давно это было. В той, другой жизни, в Клетке магов, когда его еще не сделали Грехобором. Когда он просто был.

Отгнав ненужные мысли, лишенец встал и направился прочь от реки, туда, где его наверняка уже ждали. Он оказался прав — у мельницы собралась мало не вся деревня. Староста стоял чуть впереди, сдвинув кустистые брови, а на земле перед ним лежали гроши. Подойдя, путник присел и поочередно коснулся пальцем каждого. Гроши почернели, впитывая силу чародея.

— Что делать, знаешь? — спросил странник, спокойно глядя в глаза старосты.

Тот пораженно кивнул, вглядываясь в облик незнакомого молодого мужчины — на загорелом лице чужака не осталось и следа былых морщин, серые глаза смотрели спокойно, а темные волосы, рассыпавшиеся по плечам, больше не напоминали грязную паклю. Только широкая седая прядь у левого виска выдавала в нем того изможденного старика, который вошел в деревню накануне.

В остальном странник изменился — раздался в плечах, выпрямился и более не выглядел высохшим и истощенным. Если

забыть про изувеченные руки, так просто загляденье: статный, крепкий, высокий.

Староста оказался столь изумлен, что не услышал вопроса. Лишь смотрел, не веря глазам, даже захотелось, простите боги, коснуться мага. Живой ли он? Или то Морака наложила какую-то волшебную защиту?

Грехобор повторил свой вопрос громче, и теперь в его голосе прозвучала сила. Услышав ее, глава деревеньки испуганно отпрянул и еле сдержался, чтобы не осенить себя защитой.

— Знаю, Грехобор, — быстро проговорил староста.

Да, говаривали люди, будто с грехами на магах оседают и годы, и что стоит им очиститься, как молодость возвращается... Но одно дело слышать, как об этом болтают в кабаках да трактирах, а другое — видеть своими глазами. Вчерашний едва живой дед сегодня превратился в молодого мужчину, которому не дашь более двадцати семи лет от роду. Только глаза остались такими же древними и пустыми.

Староста помолчал, не зная, что еще сказать или сделать, и наконец спросил неловко:

— Поесть останешься?

Он говорил это и очень, очень хотел услышать в ответ отказ.

К счастью, маг отрицательно покачал головой. Ему нельзя переступить порог чужого дома. Он обречен скитаться. А есть на улице на потеху толпе и вовсе не будет. Еще одно проклятие, на которое лишенец уже перестал обращать внимание.

Не прощаясь, путник медленно пошел прочь. Он спиной чувствовал недобрые взгляды людей. Они смотрели ему вслед, радуясь и горюя одновременно. Радовались тому, что маг не задержался, а горевали, что не прошел мимо.

Теперь в деревне семь лет не будет хорошего урожая — по году за каждый четвертак, лежавший сейчас на земле. А если староста ошибется в заветах, закапывая черные кругляши, деревню придется покинуть, потому что земля перестанет родить, а скот начнет падать.

Грехобору не нужно было оборачиваться, чтобы видеть страх и злобу в глазах людей. Он знал, что его ненавидят. Боятся. Мечтают прогнать, если он не нужен, но молят прийти, когда он необходим. И оттого, что во всей Аринтме был всего один Грехобор, они злились и ненавидели его еще сильнее.

Интересно, как бы они боялись, узнай, что такой, как он — один во всем мире? Что это назвище было придумано нарочно для него и ни один маг более не сможет его нести?

Шаг. Еще один. Если бы кто-то спросил его — когда он остановится, Грехобор бы не ответил. Ему предстояло ходить по городам и весям столько, сколько выдержат рассудок и тело. И вот этой-то выдержки у разрешенного мага оставалось с каждым днем все меньше и меньше.

Идя по дороге, он уже не спрашивал себя, почему и за что боги так его наказали. В глубине души Грехобор давно понял — богам плевать на таких, как он.

Путь второй. Глен

Коридоры, коридоры, коридоры... Направо, налево, развилка. Бежать! Бежать!!! Он мчался сломя голову, почти не разбирая дороги, да и что тут разбирать в такой темнотище? И все-таки врожденная осторожность заставила сбавить шаг, остановиться, ощутив, как опасно сгущается воздух вокруг.

— Колдун! — донеслось откуда-то издалека.

Ага, конечно, так он и отозвался.

Довольная усмешка скользнула по худому, заросшему черной щетиной лицу. Мужчина отвесил издевательский поклон стороне, из которой донесся этот пронзительный крик. Морок спал, делая синие глаза беглеца карими, а волосы из русых — черными. Позволив себе немного отдышаться, колдун по имени Глен развернулся и бегом направился к выходу, думая про себя: «И чего такого в этих видиях? Обычные женщины — недалекие, легкомысленные и думают лишь об одном».

Ха! Зато теперь его приятель, Джинко, со слезами будет отсчитывать три проигранных золотых, да еще и коня! А ведь из кожи вон лез, доказывая, что ни один колдун не затащит в койку провидицу! Чуть не лбом себя в грудь бил, уверяя, что защита дома не допустит внутрь твердыни «проклятого мага». Как же! Мага защита, конечно, не пропустила бы, но вот колдуна... Она и не почуяла Глена! Да он бы мог месяцами здесь жить, и никто из местных остолопов даже не заметил бы... Кучка самодовольных хорьков! Конечно, какой глупец полезет в обиталище дэйнов, туда, где живут видии и где вершат суд над магами?

Колдун несся к выходу и почти уже достиг тяжелой, обитой железными полосами двери, когда в воздухе заискрился голубоватый свет, а в коридорах резко похолодало.

Чтоб его! Дэйн!

Нет, Глен не боялся, что палач магов его учует. До тех пор пока сила колдуна мирно спит, ни один дэйн ему не страшен. Но все равно... как же неудобно! Эти... сволочи (назвать таких гадов людьми — язык не поворачивался) прилипали, как пиявки. Колдун должен быть убит — таково веление богов! Поэтому, если дэйн напал на след, запомнил манеру колдовства и сияние дара, можно было не сомневаться, что он не остановится, скотина, пока не загонит жертву в угол. А потом... приговор без суда. И вердикт всегда один — смерть.

Хотя колдунам еще везло, их всего лишь убивали. А вот магов... тут мысли Глена оборвались, потому что он учуял тяжелый запах раскаленного металла, сопровождающийся удушливыми нотками гари.

Близко.

Вот-вот настигнет!

Как учуял? Почему идет следом?

Собрав в кулак все оставшиеся после иступленного бега силы, колдун рванулся к выходу. Только не выдать себя, только сдержаться. Инстинкты выли и орала, требуя спастись. Лишь бы не впасть в соблазн, не применить силу. Но уж не настолько он глуп, чтобы подхлестывать себя магией. Не для того сюда пришел, чтобы бесславно сгинуть.

Воздух стал еще холоднее и кусался, как пес. Впивался в разгоряченную бегом кожу, превращал капельки пота в ледяной бисер и вынуждал применить хотя бы крохотное заклятие, чтобы согреться. Но беглец выдыхал в темноту коридоров облачка пара и лишь шире улыбался, предчувствуя скорую свободу.

— Колдун! — громом раздался за спиной лишенный всякого выражения мужской голос.

«Выкуси, дэйн!» — подумал про себя Глен, оборачиваясь, и вдруг застыл. Навстречу неслошь выюжной волной...

Нет! Не так! НЕТ!

Путь третий. Василиса

Василиса бежала. Точнее, не бежала, а семенила, мелко переставляя ноги. Семенила, уже еле сдерживаясь. Вот что за ёперный театр? О чем и чем думал архитектор этого торгового центра? Зачем он разработал проект лабиринта вместо проекта магазина? И что означала фраза Юрки: «Иди налево, не ошибешься»?

Налево... легко сказать, вот только когда у тебя топографический кретинизм, даже такой элементарный посыл оказывается трудностью астрономического масштаба.

В очередной раз взглянув на руки и сверив направление, девушка устремилась вперед. На ее левом запястье была затейливо вытатуирована буква Л. На правом — П. Но то для знатоков. А со стороны — просто красивые завитушки и дань моде. Однако для Васьки эти вензеля были насущной необходимостью. Без них она, как в тайге без компаса. Ну, а что делать, если постоянно путаешь лево и право? Масштабы своих блестящих феерических ошибок Лйса старалась не вспоминать.

«Вот зачем я выпила четыре чашки капучино после большого молочного коктейля? Ведь знала, что потом захочу воды, знала! Бутылка минералки поверх и — вуаля! — в теле назревает гидравлический удар, от которого вот-вот выпрыгнут глаза.

Даже Юрка — верный друг и Васькина совесть по совместительству — не смог оттащить подругу от новой кофейни. И вот результат — колени вместе, пятки врозь, застывший безумный взгляд и полный смеха крик в спину: «Не взорвись, моя Дюймовочка! Возвращайся целой! Я жду!»

О-о-ой... Да где же?! Что за невезение?

По закону подлости на пути страдальцы то и дело вырастала или неспешно шагающая парочка, или принаряженный манекен без головы, или бабушка с внучком. Вот и бежала резвушка, затравленно озираясь и огибая неожиданные препятствия.

Беда!

Да что ж за умник спроектировал торговый центр с одним туалетом на этаж? Лиска была не кровожадная, но сейчас от всей своей переполненной эмоциями души желала горе-инженеру съесть арбуз, выпить литр газировки и застрять в лифте!

Но пока в неописуемом (во всех смыслах этого слова) ужасе металась лишь она, сияясь среди многочисленных отделов с одеждой, игрушками, украшениями, кожгалантереей отыскать вождеденную дверь с надписью «Ж». Впрочем, в нынешней ситуации уже и от «М» грех отказываться...

Ну, слава тебе, уборная сила, нашла! «Жо» свободно! Не привела судьбина повергать в смятение расслабленных мужчинок. Хлопнула дверь, лихо шелкнула задвижка. Уф. Успела.

Обретя долгожданную гармонию, девушка не спеша привела себя в порядок, застенчиво вспоминая, как неслась к кабинке с резвостью бешеной собаки. Стыдобища. Ну да ладно. Позорнее было бы не добежать.

Успокоенная этими мыслями, она отодвинула шпингалет и распахнула дверь.

В лицо ударило ослепительное солнце. Перед глазами раскинулся голый мартовский лес. Василиса заинтересованно посмотрела вдаль, высунула ладонь, осведомиться по поводу осадков, подумала. Потом мягко закрыла створку и тщательно задвинула щеколду. Огляделась. Белый кафель. Белый фаянс. Белый свет люминесцентной лампы, запах хлорки, шум бачка, набирающего воду.

Девушка задумалась. Еще раз нажала на кнопку слива. Снова постояла. Подумала. Поковыряла ногтем скол на одной из настенных плиток. Посмотрела под ноги, посопела. Но делать-то нечего — надо идти, не оставаться же век вековать на крышке унитаза? Опять открыла дверь, в надежде увидеть закуток между отделами верхней одежды, а может, и парочку дам, раздраженных ожиданием.

Увы.

Солнце, лес, снег.

Может, еще раз попробовать?

Как в сказке, трижды?

Попробовала. Снег, лес, солнце. И жертва малой нужды — в кроссовках, тонких джинсах и легкой кофточке. А за спиной туалет.

Хм... Что ж, могло быть и хуже. А так... вода у нее есть. Удобрения тоже под боком. Голод пока не терзает. Глядишь, к тому времени, как галлюцинации прекратятся, жертву кофейной невоздержанности и найдут.

Василиса в очередной раз благоразумно закрыла дверь, пошла к мойке и озадачилась. Искала нестыковки с тем, что помнила. Ну, раз уж она сошла с ума, следовало хотя бы попытаться понять, как давно это случилось? Уж не тогда ли, когда она поступила в кулинарный техникум? А может, когда устроилась работать помощником повара в кафе «Сказка»? Или, может, когда пыталась отбелить веснушки в салоне красоты, а вместо этого стала похожа на перепелиное яйцо? Или во время очередной диеты, накручивая педали велотренажера? А что? Могла ведь от нагрузки... А может, когда последний раз прыгала перед зеркалом, мучительно втискивая себя в утягивающие рейтузики, чтобы предаться сладкому самообману и с пятидесятого размера «похудеть» до сорок восьмого?

А может, это сон? Ну точно! И она изо всей силы дернула себя за волосы. Ой! Не сон. И потом, во сне она всегда стройная

красавица с летящими белокурыми волосами, легкой походкой и солнечными зайчиками в голубых глазах. А тут? Девушка оттянула слегка выющую каштановую прядь. М-да. Не блондинка. И глаза наверняка не голубые, в цвет неба с картин Моне, а серо-зеленые, в цвет страдающей от обезвоживания лягушки. Да и килограммы все на месте. Куда ж им, родным, деться?

— Хотя что-то в этом мире неизменно, — глубокомысленно изрекла Вася, похлопывая себя по могучей талии.

И в этот самый миг ее ни много ни мало вышвырнуло из безопасного убежища прочь. Ну да, дверь туалета распахнулась, впуская в царство хлора и фаянса яркое солнце, а за спиной Василисы раздался то ли рык, то ли рев. Девушка полетела в сугроб, как парашютист-дилетант из люка самолета — враскоряку, плашмя, захлебываясь от крика.

Шлеп!

А позади что-то свирепо и кровожадно засвистело, захрюкало. Оглядываться и выяснять, что именно там происходит, почему-то не захотелось. Мало того, несмотря на плохую физическую подготовку и мокрые сугробы, Лиска стремительно понеслась прочь. Бежать оказалось на удивление легко. Видимо, она впервые отдавалась процессу так самозабвенно. Увы, прервалось все слишком быстро — зацепившись ногой за ногу, бегунья полетела кувырком и растянулась в снегу.

Само собой, теперь даже речи не шло о том, чтобы подняться на ноги, — как же можно тратить ценные мгновения! — и девушка припустила от неведомых преследователей на четвереньках. Не чувствуя усталости и веса, она мчалась прочь от страшного места, пока не случилось три знаковых события. Первое — Васька упала лицом в снег. Второе — ее рот, раскрытый в крике, в связи с первым, захлопнулся. И третье — в тот самый момент, когда случилось второе, она поняла — никто за ней не гонится, а пугающие звуки были всего-навсего свистом воды в трубах канализации, помноженным на эхо.

Осознав всю тщету пережитого ужаса, девушка не стала бороться с собой и бесславно разрыдалась. Однако долго плакать, уткнувшись носом в снежный наст, невозможно, да и холодно, к тому же характер «спокойный, нордический» не предполагал долгие истерики.

Итак, наши действия? Первое: оглядеться в поисках ориентира. Мм... кочка со стоящим на ней пнем — ориентир?

Ну, ориентир или нет, а присесть и обдумать произошедшее

на нем удобнее, чем стоя по колено в снегу. Василиса взгромоздилась на пень, отряхнула кроссовки, посмотрела на небо, закашлялась и стала размышлять. Точнее, мелко дрожать и стучать зубами.

Искать направление по солнцу ей показалось бесполезным — не умела, да и солнышко на этом небе было странное, с двумя яркими звездами по бокам.

— Прекрасно, — буркнула девушка, разглядывая окрестности.

Итак, она куда-то попала. Причем куда и зачем — неизвестно, как себя вести — непонятно.

Инструкцию — то есть разные книги про попаданцев — Лиска не то чтобы не читала. Читала. Аж целых три инструкции. Только ни разу не добиралась до финала. Героини были все одна ко одной — вечно прекрасные, фигуристые девы, которые, ничего в реальном мире не умея, вдруг начинали метко стрелять из лука, рубиться на мечах, скакать на лошади, искрить остроумием (правда, не смешным), соблазнять злодеев и спаивать чертей. Или соблазнять чертей и спаивать злодеев? Васька почесала затылок, пытаясь вспомнить, что еще происходило в подобных книгах. Ну да, навязанное спасение мира и приручение какого-нибудь язвительного и наглого домашнего питомца, умеющего говорить и обладающего всеми возможными ништяками.

Стало грустно. Очень. Животных, конечно, она любила, но самых обычных — собак и кошек. Лошадей Василиса боялась — такие махины! А при одной только мысли о фехтовании на мечах ей снова захотелось в туалет. И блистать наглостью она не любила. А уж мир спасти — тем более. Как представила себя новоявленная попаданка верхом на боевом рысаке, с двуручником наперевес и криком: «Ура, мы порвем их!» — так ей резко и поплохело.

— ЛЮДИ!!! — Вопль, полный отчаяния, канул в пространстве.

В ответ с ветки соседнего дерева ржавым голосом гаркнула птица. Птица оказалась огромная, черная, с клювом, похожим на плотницкое долото. Ворон, что ли? Увы, Василиса — городская жительница — в пернатых ничего не смыслила, знала только кур да индеек. И то потому, что иногда чего-нибудь из них готовила. Но этот летун явно не был индейкой и уж подавно — курицей.

Ворон склонил голову набок и с равнодушным интересом взирал на неведомую чужачку. Вот тебе и питомец.

— Нет-нет-нет! — Растопырив пальцы, девушка вскочила с пня и, путаясь в ногах, попятилась прочь от пернатого.

Тот смотрел не мигая. Взгляд его был ну точь-в-точь, как у Юрки, — выжидающий и ехидный. Сразу стало ясно — понимает все до слова.

— Ты ошибся. — И Васька, резво подпрыгивая в сугробах, устремилась прочь. Подальше от крылатой бестии.

Дыхалки хватило минуты на три, упрямства — еще на пять.

Сугробы, голые деревья и тишина.

Куда идти-то?

Разумеется, можно было дожидаться темноты, залезть на самую высокую елку и посмотреть на горизонт — где небо светлее, там и город. Однако супротив этой идеи выступали два наиважнейших довода. Первый. Вася в жизни не забралась бы на дерево. А если бы и забралась (предположим, что дерево даже выдержало это надругательство), то уже не слезла бы. Второй. Чтобы увидеть свет над горизонтом, нужно дожидаться темноты, а у девушки при нынешних погодах, прямо скажем, на это оставалось мало шансов.

И вот Лиска брела, выдергивала ноги из талого снега, чувствовала себя отвратительно, но все равно тащилась вперед. В душу тем временем закрадывались подозрения: уж не придется ли ей вечно тут скитаться, как в античном аду, — в холоде, голоде и сырости. Тьфу! Нормальные грешники те хоть в тепле...

Но, говорят, пока у человека есть цель, он небывало живуч. Если верить этому утверждению, Вася рисковала вплотную приблизиться к бессмертию. Видел бы Юрка, где оказалась его приятельница через туалет и свою невоздержанность в кофе! Мокрая, замерзшая, жалкая, бегаёт от птиц и, наверное, скоро упадет замертво, только косточки останутся под деревом белеть...

Василиса всхлипнула от острой жалости к себе и своим бесприютным костям, выдернула ногу из сугроба и прошептала посиневшими губами: «А дома сейчас лето!»

Путь четвертый. Заря

Ее разбудил кашель. Встряхнул на жестком тюфяке, раздражал болью грудь, поднялся в горле, готовясь вырваться наружу — надсадно и оглушительно в утренней тишине. Девушка испуганно зажала рот и нос руками, давясь, захлебываясь, но стараясь не издать ни звука. Уткнулась лицом в тощую подушку, сотрясаясь всем телом. Великая богиня, пусть *он* не услы-

шит, пусть не проснется! За стеной что-то скрипнуло и затихло. Повезло.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Главное — не думать о том, как хочется закашлять. Не сжимать горло. Вдох. Выдох. Медленно. Но в гортани щекочет, и грудь горит огнем, как от удущья.

Глаза слезились, в висках стучало, но Зария заставляла себя размеренно и глубоко дышать, не обращая внимания на саднящую боль. Еще несколько мучительно долгих мгновений, и приступ прошел, оставив после себя лишь головокружение и влажные хрипы в груди. Девушка отбросила тонкое и оттого очень холодное одеяло, сдернула со стула платье, старенькую шальку и поспешно оделась.

Она спала в рубахе и чулках, но все равно мерзла. Печи в этой комнате не было. Говорили, будто при ее недуге отдыхать надо в прохладе. Однако это не помогало. Вечная стынь, зябкая дрожь и кашель оставались неизменными спутниками больной. Она мерзла постоянно и уже не мыслила себя без кусачего холода, без вечно ледяных рук и ног, без постоянного желания съежиться.

Согреться удавалось лишь на краткие мгновения — когда приходилось сдерживать приступы кашля, но тогда тело покрывалось липким потом, и после становилось еще холоднее. Зария, неслышно ступая и стараясь не скрипнуть ни единой старой половицей, коих было так много в этом ветхом доме, вышла во двор.

Несмотря на то что кое-где — в тени возле ворот, за дровяником — еще лежали бугры осевших истончившихся сугробов, солнце грело уже по-весеннему. Несколько мгновений девушка блаженствовала, запрокинув голову, наслаждаясь прикосновениями светила, ласкающими ее худое, изможденное лицо.

Век бы так стоять и ни о чем не думать!

Материнская нежность, забытая, как само детство, была в солнечном свете. Солнце дарит тепло, как мать, ничего не требуя взамен, не упрекая. Солнцу все равно, что на тебе печать проклятой. Ему нет дела до того, что среди людей ты не стоишь и мимолетной улыбки. Оно не станет жадничать и жалеть тепла, зная, что жить тебе осталось совсем чуть-чуть. Оно просто греет. Всех. Одинаково.

Еще один вдох. В груди все еще влажно булькает. Хватит бездельничать. Скоро *он* проснется. Девушка взяла ведра и, приволакивая левую ногу, торопливо захромала к колодцу. Надо напоить и накормить скотину, затопить печь, приготовить завтрак и не попасться *ему* на глаза.

Зария никогда не жаловалась богам на жизнь, как делали многие. Зачем? Если боги наградили тебя судьбой проклятой, значит, таков их замысел, и нытье лишь рассмешит их, а еще хуже — разгневет. Да... не любила она богов. А за что любить? Ее род уже давно должен был прерваться, но все цеплялся за жизнь... Жалкие попытки! Она последняя. И в этом нет ни малейших сомнений.

Прапрапрапрабабка Зарии происходила из лантей — жриц богини любви, одной из самых капризных небожительниц, которая могла щедро одарить, а могла и жестоко наказать. И вот... не повезло. В мире, где главенствовали мужчины — наследники и продолжатели традиций, — в роду Зарии рождались только девочки. А все потому, что у лантеи мальчик мог появиться на свет только от союза любви. Но ведь жрицы на то и жрицы, чтобы видеть сокровенное — все, что лежит на сердце у избранника. А зная истину, трудно любить и прощать. Невозможно.

Сколько веков они пытались обмануть судьбу! Каждая. Ни у одной не получилось. В свое время будущему отцу Зарии даже не сказали, что та, кого он взял в жены, происходила из жриц. Глупая надеялась, что это позволит ей полюбить мужа, а мужу — полюбить ее. Но, наверное, богиня Талис лишила лантей своего благословения, потому что в очередной раз на свет появилась дочь. А потом еще одна и еще. У Зарии было пять сестер, но выжила лишь она, хотя и сама не понимала почему.

Болезненно худая, с выпирающими ребрами и позвоночником, с костлявыми руками, острыми плечами и тонкой шеей — девочка, казалось, должна была умереть еще в младенчестве. Но она яростно хотела жить — от одной хвори до другой, но жить! И по сей день последняя из рода лантей выглядела истощенной замарашкой — треугольное бледное личико с резко выдающимися скулами и острым подбородком, круги под глазами, в уголках губ страдальческие складки.

Гладкие волосы цвета воронова крыла делали девушку еще бледнее, еще некрасивее, и Зария безжалостно стягивала их в тугую косу, строго следя за тем, чтобы ни одна прядь не выбивалась. Ненавидя свои «коровьи», непомерно большие на таком маленьком лице глаза, она прикрывала их длинной густой челкой и никогда не смотрела в лицо собеседнику, предпочитая разглядывать носки собственных башмаков. Знал бы он, что она делает это не по его приказу, а лишь потому, что терпеть не может глядеть на людей, в людей и видеть их внутреннюю гниль...

Закусив бледные губы, последняя из рода лантей поволокла полные воды ведра обратно. Как странно, ей всего двадцать, а кажется, словно все восемьдесят. Из этих двадцати — пять лет она провела в замужестве, купленном отцом. Пять лет кошмара, который все никак не прекратится.

Будь она хоть немного сильнее духом — сама бы покончила с собой, остановила затянувшуюся пытку. Да только прав оказался отец, когда говорил, что она никчемная, ничего толком не умеющая. Иначе не терпела бы издевок и затрецин. Не вжимала бы голову в плечи. Но, страшно признаться, больше всего на свете этой хилой, забитой девушке хотелось жить.

Жить!

А зачем, почему, она и сама не могла объяснить.

— Эй!

Так странно... В ее присутствии выплывают все скрытые пороки людей, словно грязная пена, которую поднимает прибой. И этим прибоем была Зария. И не важно, что с виду человек добр и приятен. Оказавшись рядом с ней, он словно отпускал все таившееся в душе зло — гневался, сквернословил, норовил обидеть безответную замарашку. Этот ужас, который мать называла проклятием рода лантей, преследовал девочку всю жизнь.

Одно радовало: мама, хотя и прожила недолго, успела научить дочь *таиться* — так она называла это маленькое... даже не колдовство, а скорее знание. Не всесильное, но весьма полезное. Вдох, и Зария уходила глубоко в себя, не замечая происходящего. Она была с миром, но была вне мира. Могла говорить, ходить, но сама словно находилась где-то далеко-далеко...

С виду она оставалась прежней: те же опущенные долу глаза, та же хромота, голова, втянутая в сутулые плечи, суетливая торопливость движений... Вот только настоящая Зария не имела к этой жалкой пародии на женщину никакого отношения. Она уходила в свой мирок, в котором царили лишь звенящая тишина и пустота. Туда не доносились насмешки и оскорбления, там почти не ощущалась боль от тычков и затрецин. Там было тихо... Иногда, «возвращаясь», она с удивлением понимала, что нареченный поставил ей новый синяк или облил неудавшейся стряпней.

Да, наверное, именно это знание раз за разом спасало жизнь и рассудок девушки последние пять лет. Но она не хотела об этом думать, да и незачем.

— Я тут, — тихо ответила она на окрик. — Тут.

Зария так и не подняла на него глаз. Что там нового? Маме-

нькин сынок с прямым пробором в гладко расчесанных, но уже редееющих волосах, с румяным лицом и колючими глазами. Он на самом деле трус. И часто боится. Всех, кроме жены. И выпить любит. Кирт торговал на рынке в мясном ряду, он лебезил перед покупателями, что не мешало ему продавать им несвежее мясо или ловко обсчитывать.

Когда отец привел Зарию к нему на смотрины, она последний раз в жизни рыдала, умоляя не отдавать ее этому... человеку. Нет. Склонившись над девчонкой, огромный мужчина со злыми глазами сказал только: «Твоя мать обманула меня». Вот и все. Мертвым не отомстить. А живым вполне себе можно.

Тогда юная невеста впервые в жизни смогла «затаиться», сама не поняв толком — как. Как-то. Просто иначе сошла бы с ума.

Ее продали за гроши, с условием, что после смерти «любимому» отойдет дом, корова, две свиньи и десяток кур — все ее немудреное приданое. Но если незадачливая молодуха, как и ее мать, родит девочку, семья мужа сможет расторгнуть обязательства и вернуть подпорченный «товар» обратно владельцу. Правда, вместе с приданным и деньгами за его пользование.

Кирт прекрасно знал, кем была мать Зарии, а потому понимал — сына ему вряд ли стоит ждать. Поэтому мужчина не стал настаивать на исполнении супружеского долга. Слишком хорошее приданое давали за проклятой девкой. Да и, как ни крути, богиня берегла своих чад так, что даже возжелай Кирт сделать доходягу настоящей женой, ничего у него не получится. К тому же слишком страшная она была. С такой в постель лечь, все равно что со стиральной доской обжиматься — тонкая, ребристая, отовсюду углы торчат.

Зато во всем остальном Кирт не сдерживался. Никак он не ожидал, что замарашка столько проживет. Шестой год уж перед глазами маячит. Всю душу вымотала, оглобля ходячая, а никак не загнетса. И он, как умел, старался помочь загостившейся на этом свете жене. Где пинком, где затрециной. А она терпела. Потому что ничего другого просто не умела делать.

Путь пятый. Дэйн

Вот уже девять лет у него была своя маленькая слабость. Странно, учитывая, что слабостей у него не должно быть, но...

Он приезжал сюда, в это место, раз в год, чтобы встретить рассвет. Дэйны не умели наслаждаться, не умели создавать, не

умели восторгаться или гневаться. И он тоже. Вот только все равно раз в год прилетал сюда, чтобы увидеть, как небо над горизонтом постепенно светлеет, как гаснут звезды и встают солнца Аринтмы.

А из рассеивающегося полумрака медленно выступали развалины.

Обрушившиеся каменные стены, возносящиеся в пустоту лестницы, проломы на месте окон, обвалившаяся кровля, обломки досок и бревен... В лучах восходящего солнца серые камни казались розовыми и искрились от инея. Это было... красиво? Мрачно? Он не знал, какое определение можно дать руине, некогда носившей гордое название Клетки магов.

Мерзлая земля, которая за эти девять лет так и не избавилась от последствий волшбы, оставалась мертвой. И трава под ногами была та самая, что и девять лет назад. Здесь не падал снег, не шли дожди. Просто холод сковал все инеем, делая воздух прозрачным и звонким, а рассветы ослепительными и искрящимися.

Сюда не залетали птицы, не забредали звери. Даже ветер и тот шелестел замерзшей листвой деревьев как-то торжественно и осторожно, словно боясь нарушить величественную тоску этого места. Тут царила тишина. Может быть, именно поэтому Дэйн поддавался странной прихоти и все-таки из года в год возвращался сюда, потому что только здесь чувствовал себя по-настоящему спокойно.

У него уже очень давно не было дома. Настоящего дома, где он мог бы жить, но, случись ему выбирать, свою жизнь он прожил бы здесь.

За спиной мужчины раздался едва слышный звук — словно кто-то вздохнул. Дэйн не стал оборачиваться, прекрасно зная, что увидит. Вместо этого он продолжил смотреть на небо. Оно уже утратило свой нежно-розовый цвет и обрело оттенок талого льда.

Пора уходить.

Мужчина вдохнул морозный воздух, повернулся и остановился рядом с домом, которого тогда, девять лет назад, здесь не было.

Еще одна его прихоть.

Зачем строить дом? Здесь? Кому? Ведь у него никогда не будет той, которую он сможет в него привести. Но все же... он коснулся каменной кладки, провел ладонью по холодной стене, наблюдая за тем, как следом за пальцами бежит мерцающий

иней. Дом. Холодный. Пустой. Одинокий. Сила и слабость дэйна. Живой.

Как? Почему? Задумавшийся наблюдатель не хотел отвечать на эти вопросы.

Он не жалел себя. Жалость бессмысленна. Он сам выбрал такую жизнь. И оплакивать самого себя не собирался. Пусть этим занимаются колдуны, которые всегда считают виноватыми в своей судьбе других.

К слову о колдунах... губы мужчины тронула улыбка. Эти глупцы думают, что в руинах их никто не найдет — слишком много здесь осталось от магов. Не-э-эт, запах тлена, ползущий от их душ, он не спутает ни с чем.

Дэйн скользнул вперед, неслышно приближаясь к руинам. Все было забыто — стыдливые краски рассвета, иней на траве и холодные каменные стены дома. Душой палача магов завладела привычная бесстрастность.

Перехлестье. Глен, Василиса и дэйн

Ветер донес слабый отголосок колдовства.

Если ты не имеешь отношения к магии — никогда не почувствуешь такое. С чем можно сравнить? Ну, как будто идешь по людной улице и вдруг ощущаешь на себе чей-то взгляд. Не совсем, конечно, верное объяснение, но, пожалуй, самое справедливое. Просто чувствуешь, и все. Вот как можно осознать, что на тебя смотрят? Не объяснишь же. Так и с колдовством. Вдруг понимаешь — вот оно!

Поэтому, едва ощутив в воздухе легкое витание чужой силы, Глен весь подобрался. Нужно определить источник. Где же... где? Непонятное бормотание на мгновение отвлекло мужчину от попыток обнаружить неизвестного мага и даже заставило вскинуть брови в веселом удивлении: мимо брела, продираясь сквозь чащу, девушка, столь забавная и чудная, что, глядя на нее, против воли хотелось рассмеяться.

Кудрявые волосы облепили круглое веснушчатое лицо, дикий штаны обтягивали пухлую фигурку, как вторая кожа. Незнакомка шла, проваливаясь в осевших весенних сугробах, и в упор не видела, что в трех шагах от нее вьется натоптанная тропинка. Путница сварливо бормотала что-то про уборные, двери, минеральную воду, ворон и какого-то Юрку.

Наконец иссякла и остановилась перевести дух — прислонилась к дереву, устало вздохнула.

Вот тут-то Глен снова почувствовал чужое колдовство. Легкая дрожь в воздухе, волнующее напряжение, будоражащее все пять человеческих чувств — от зрения до слуха. Да что это может быть?!

Тем временем глаза странноватой особы, притулившейся у шершавого ствола сосны, на мгновение потускнели. Так бывает, когда человек задумается о чем-то и смотрит в одну точку, постепенно утрачивая чувство времени, или... Да неужто? Путница вдруг отлепилась от дерева и почти бегом устремилась куда-то в чащу. Совсем в другом направлении...

Зазывают.

Интересно, для чего?

Хм. А почему бы не узнать? Все равно он застрял *тут* надолго. А так — хоть какое-то развлечение.

Васька тем временем не шла — летела. Желание обсохнуть и отдохнуть было обезоруживающе сильным и затмевало даже легкое поскребывание здравого смысла. А он меж тем с цивилизованным скептицизмом любопытствовал, мол, почему это Василиса Евтропиевна так уверена в том, что скоро ей будет тепло и хорошо? Не прихворнула ли она? Не ударилась ли головой о какой-нибудь коварно спрятавшийся в снегу пенек во время своей десантной высадки из уборной?

Ведь могла бы уже Лиска заметить за двадцать-то четыре года, что каждая ее непоколебимая уверенность в чем-либо влечет за собой глобальную катастрофу или маленький, практически карманный апокалипсис. Но пока здравый смысл распинался и сыпал аргументами, ноги стремительно мчали пыльное тело хозяйки по кочкам и сугробам и плевать хотели на сварливое бурчание всяких зануд.

И вот, в процессе бессмысленной внутренней борьбы рассудка и инстинктов, самостоятельные и непривычно резвые конечности вынесли обладательницу из чащобы на просторную полянку. Здесь, на открытом месте, снег кое-где почти совсем стаял, но земля оставалась мерзлой и твердой.

Потеряшка остановилась, с удивлением осматриваясь. Минувший бег по сугробам вспоминался смутно. И если бы не коллоло так отчаянно в правом боку, Васька, пожалуй, и не поверила бы, что способна на такой лихой спринтерский рывок. Ну вот, хоть ущипни — не помнила подробностей своей резвой скачки!

Но эта полянка... почти декорация к сказке!

Девушка даже благоразумно помотала головой, отгоняя видение, пощипала себя за рыхлые выпуклости... и поняла, что увиденное не примерещилось — перед ней стоял дом! Приземистый, с дерновой крышей, аккуратными оконцами, почти вросшими в землю, низкой, обитой железными полосками дверью, каменными ступеньками крылечка. Летом здесь, наверное, все порастает травой, а на земляной крыше цветут незабудки...

Сейчас же пологий холм кровли был одет снегом и из осевшего сугроба торчал дымоход. Увы, каменная труба не исторгала из себя ни дымка, ни искорки, да и тропинка, ведущая к зимовке, казалась порядком заброшенной — свежих следов на ней не виднелось, только оплывшие на весеннем солнышке старые лунки.

А здесь вообще живут? Здравый смысл вступил в неравный бой с не менее здравым желанием обсохнуть и согреться. И как бы ни кричало благоразумие, что милая зимовка вполне может оказаться пряничным домиком из страшной сказки, Василиса все-таки сделала шаг вперед. Да в домишке-то этом и нет наверняка никого, а она тут стоит, трясется. И девушка решительно двинулась вперед.

Дверь открылась на удивление легко, даже не скрипнула. Однако внутри было ни зги не видно и зябко. Как в погребе.

— Есть тут кто? — осторожно поинтересовалась Лиса у молчаливого полумрака. — Войти-то можно?

Темнота ответила молчанием. И замерзшая странница шагнула под мрачный кров.

И вот, стоило ей войти, как из глубины землянки незнакомый хриплый голос злобно рявкнул что-то непонятное. Когда на тебя внезапно орут из темноты, да еще с такой яростью, да еще какую-то абракадабру, вряд ли станешь переспрашивать. И Василиса дернулась всем телом, чтобы устремиться прочь — на свободу с чистой совестью, но... Проклятые ноги, против всякой логики, понесли ее вперед, на верную погибель.

А инстинкты тем временем хором взвыли в голове только одно слово — ПРОЧЬ! Васька почувствовала себя героиней типового ужастика: вот знаешь — не надо идти, и зрители по ту сторону экрана в этот момент обязательно орут, мол, куда ты, дура?! — но все равно идешь. И не то чтобы хочешь дойти и достигнуть, так сказать, источника мерзких звуков, сколько...

просто ноги не подчиняются. Ну не хотят они в обратном направлении.

Все это девушка успела подумать буквально за долю секунды. Тьма снова гортанно рявкнула, и Лиске стало окончательно ясно — добрых самаритян в избушке нет. Ни единого. Мало того, и злых тоже нет. Ибо сидит в крошечной тьме «чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй».

Осмыслив эту новость, Васька попыталась заставить ноги бежать к выходу, даже развернулась, но конечности снова воспротивились. Сегодня они явно решили действовать автономно от своей обладательницы.

Стоявший незамеченным Глен высоко поднял брови, наблюдая затейливые перемещения диковинной незнакомки. Извернувшись всем телом в сторону двери, девушка медленно шла вглубь избушки, переставляя непослушные ноги. Какая борьба с собой! Она даже пыталась зацепиться пальцами за стену, чтобы остановить неподатливое тело, и прошипела: «Век вам за это ходить на самых высоких каблуках, предатели проклятые».

«Веселая девчонка», — подумал колдун. Он впервые видел, чтобы женщина так яростно и задорно боролась с собственным страхом, не замечая ничего вокруг. Даже самого очевидного — того, что сопротивление... бессмысленно.

— Закрой дверь, — приказал мятущейся жертве утомленный женский голос, в котором не слышалось и тени жизни.

Но та, к кому был обращен этот приказ, продолжила стоять неподвижно. Только хмурила брови и шевелила губами. Не понимает! Парень хмыкнул — интересно. Насколько ему было известно, единый язык понимали абсолютно все. Откуда же принесло эту кудряшку? И как хорошо, что Глен в силу своего, хм, положения понимает все, что она говорит.

А Васька и не подозревала, что за ее попыткой выжить в жесточайшей тьме старой зимовки наблюдает посторонний. Она подумала-подумала и сказала с расстановкой:

— Я. Вас. Не. Понимаю. Совершенно.

— Дура! — ответила обитательница хижины.

Видимо, обиделась.

Глен прислонился плечом к дверному косяку, продолжая наблюдать за происходящим — уж больно любопытно все выглядело.

Короткое заклинание, брошенное хозяйкой землянки в гос-

тью, заставило последнюю поморщиться, что еще больше удивило колдуна. Обычная девушка чувствует колдовство?

— Закрой дверь.

Теперь она понимала. Еще бы, магия и не на такое способна. Вот девушка вздохнула, еще сильнее нахмурилась и отправилась выполнять приказ. Мужчина слегка посторонился, зная, что его не увидят, но не желая оставаться за стенами хижины.

Слабое свечение озарило убогое жилище: закопченные стены, земляной пол, остывший очаг, какую-то рухлядь по углам и лежанку с облезлыми шкурами и тряпьем поверх грубых досок. На ложе покоилась обитательница жутковатого дома. Ее нельзя было рассмотреть в ущербном свете волшебного огонька, получалось лишь угадать очертания человеческого тела.

— Подойди. Быстро, — приказала лежащая без сил женщина.

Скрипнули зубы. Гостя не хотела подчиняться. Хм. А лошадка-то с ровом!

— Может, на коленях подползти и облобызать стопы? — спросила нахалка, не двигаясь с места.

Глен мысленно заплодировал.

— Подойди!

И снова тягучая волна чужой силы пронеслась в затхлом стылom воздухе, обвилась вокруг лодыжек строптивой особы и потянула, подчиняя себе волю.

Ноги сделали несколько шагов вперед вопреки воле и желанию разума. Организм Лисы с такой готовностью кинулся исполнять команду, что девушке оставалось только с интересом наблюдать за его горячечными действиями.

— Встань у окна, — незамедлительно последовал новый приказ.

Вероломные ноги отчеканили пару шагов в нужном направлении. Васька навтыжку замерла в полоске тусклого света, безуспешно таращась в подсвеченный жидким сиянием полумрак. Она все пыталась рассмотреть хозяйку хижины, но тщетно — так, копошилось что-то под рваными одеялами. Голос был не молодой и не старый, а звучал с царапающим слух неблагозвучием.

Обитательница землянки молчала, о чем-то размышляя. Наконец пробормотала под нос нечто неразборчивое и сжалась:

— Возле очага кузов. Переоденься в сухое.

А вот эту команду девушка исполнила даже с азартом — на радостях тело и рассудок решили не конфликтовать.

В углу и впрямь нашелся глубокий плетеный короб. Василиса наугад выхватывала из него скомканные тряпки и одновременно с этим сдергивала с себя мокрую одежду. Если б не царивший в избенке холод, счастье было бы беспредельным. Вновь обретенные предметы гардероба оказались на диво архаичными — платье с юбкой до пола, короткий полушубок, пахнувший пылью и прелью, шерстяной платок. Пока гостья торопливо облачалась в этот архаический, но сухой и подходящий сезону наряд, хозяйка лачуги о чем-то размышляла.

Однако стоило девушке закончить с переодеванием (а возилась она довольно долго, так как путала то подол с рукавами, то рукава с панталонами), и обитательница землянки приподнялась на топчане, простирая вперед руки. Глена поразило то, какими красивыми они оказались — белые, изящные, уж точно не такие должны быть у обитательницы убогого лесного домишки. Эти холеные ладони никогда не знали труда и забот, и только отсутствие обоих мизинцев выдавало принадлежность женщины к магам. Не колдунья. Магесса...

Сглотнув, мужчина пожалел, что поддался любопытству.

— Забери!

Казалось, этим приказом невозможно пренебречь, но та, к кому он обращался, спрятала руки за спину, не желая поддаваться. Она сжала зубы, хотя вся тряслась, словно от озноба, и отрицательно замотала головой, не желая подчиниться.

Глубоко вздохнув, обитательница избушки забормотала заклинание. От услышанного на коже Глена дыбом поднялись все волоски. Старинное заклятие перехода магической силы, на которое не нужно согласие! Запретное. Жестокое. Оно полностью уничтожит девчонку. Не думая, не рассуждая, Глен кинулся вперед, отгалкивая дуреху от магессы.

— Забери-и-и! — завизжала в этот миг разъяренная волшебница.

Батюшки-светы! Васька, не ожидавшая таких воплей, пригнулась и одновременно шарахнулась в сторону. В этот миг молодая белая рука сумасшедшей жительницы землянки сделалась костлявой и старой. Морщины смяли нежную кожу, и под ней — дряблой и землисто-серой — резко обозначились кривые прожилки набухших вен.

В общем, не каждый день доводилось Ваське узреть подобную гадость. Ужас, отвращение и паника подстегнули лучше кнута, и, резко развернувшись, девушка вылетела из хижины

прочь, подгоняемая беспросветным ужасом и одним, но очень острым желанием — исчезнуть.

Не переставая визжать, Василиса мчалась по сугробам, задрав проклятые юбки до самого подбородка. Она бежала и орала, орала и бежала.

— Тпру-у-у!

— А-а-а!

Эти два возгласа слились в один, породив некий гибрид между «ура!» и воплем слона в джунглях.

В этот самый миг Лиска поняла, что стоит посреди наезженной лесной дороги, прижимает скомканный подол своего одеяния к груди и продолжает визжать. Но уже без души. По инерции. Поэтому она захлопнула рот, резко оборвав свою «песнь». И так наголосилась, чуть желудок не застудила.

Поэтому девушка чинно разгладила мятую юбку, принимая благолепный вид. И хотя одно веко у нее все еще слегка подергивалось, Васька даже улыбнулась.

Дело в том, что на нее смотрели самые умные и недоумевающие глаза на свете. И глаза эти принадлежали серой лошади. Они были такие кроткие и печальные, что Васька почувствовала себя дура душой, да еще и виноватой. Вылетела из чаши прямо под ноги смирному животному, напугала...

— Тью... — протянули откуда-то сверху.

Девушка вскинула глаза и лишь теперь поняла, что у лошади есть продолжение — оглобли, повозка, а на облучке — седой худенький дед. Он был щеделушен и крайне мил. Обычно в мультиках такими изображают добрых лесовичков: тулупчик с запахом, стоптанные сапоги, кроличья шапка набекрень, торчащая клочьями бороденка, лучики добрых морщинок в уголках ярких глаз.

Василиса никак не могла сообразить, что делать.

— Ты зачем орешь? — Тихий мужской голос, исполненный скрытой силы, вернул растерявшуюся бегунью в реальность.

Она перевела взгляд вправо и замерла. Только сейчас она заметила спутника забавного старичка. Он сидел верхом на таком коне, подобного которому Василиса не видывала даже в кино — огромный, широкогрудый, с длинной волнистой гривой и лохматыми щетками на могучих ногах. Даже легендарный Буцефал рядом с ним выглядел бы жалким пони, перенесшим рахит, дистрофию и непосильный тягловый труд на рудниках.

Жеребец был страшен. И Лиска немедленно им восхитилась в доступных ей выражениях. Точнее, как восхитилась...

Зашлась словами восторга. Потому что конь внезапно захрипел. А девушка, которая сегодня уже пережила несколько потрясений, — шарахнулась и едва не упала.

Мужчина, восседавший на огромном скакуне, удивленно вскинул брови, разглядывая диковинную незнакомку. Противоречивое создание. Кудрявые растрепанные волосы, непривычно короткие затейливые узоры на запястьях, да и речь... необычная.

Чью именно мать нужно через плечо и в ухо какого лешего, мужчина не понял, но страсть в голосе его позабавила, он даже улыбнулся. Едва заметно, уголками губ. Возмущенная отповедь резко оборвалась, и девушка воззрилась на хозяина чудовищного коня с любопытством. Мужчину это удивило — обычно мало кто выдерживал его тяжелый взгляд. А эта смотрит, как ребенок, — слегка приоткрыв рот и забыв о том, как только что испугалась.

— Я это... волка встретила, — пояснила наконец Василиса.

Ну, что-то надо было сказать, так ведь? И объяснить свои вопли.

— Девка, — назидательно заметил старичок со своего облучка, — оглох тот волк. И не только он. У меня вон до сих пор в ухе звенит. А оно, почитай, уж годков семь плохо слышит.

Васька хихикнула. Люди! Нормальные! И пусть не машины, а лошади — все равно! И красивый темноволосый хозяин коня-людоеда ей понравился. Не любила Лиса «няшных» мужчин, на которых можно полдня смотреть, определяя пол, да так и не догадаться. А тут: высокий, широкоплечий, черты лица жесткие, а взгляд пронзительный и колючий. Нос с горбинкой и коротко стриженная черная борода добавляли внешности незнакомца суровой жути. Даже конь был под стать хозяину — породистый и свирепый в своем величии. Вон как гордо переступает с ноги на ногу.

— Ты откель тут взялась, блаженная? — спрыгивая с козлов, ворчливо поинтересовался старичок.

— Из... — а что сказать? Из торгового центра? Из другого мира? Из туалета? — ...леса. Заблудилась. Я в город шла.

— Покажи руки, — подал голос хозяин огромного жеребца.

Василиса послушно выставила перед собой дрожащие ладони, недоумевая, зачем это нужно.

— Да все в порядке, дэйн, — отмахнулся старичок. — Я этих нелюдей нутром чую! И рожденных, и всяких непонятных. Садись, дурында, довезем до ворот.

Тот, кого дед назвал дэйном, помолчал, но еще некоторое время сверлил девушку пристальным застывшим взглядом. Глен, наблюдавший за происходящим из своего укрытия, напрягся: казалось, еще немного, и либо дэйн, либо старик почувют его присутствие. Слишком слаб сейчас колдун, чтобы бороться. Да и не победить дэйна в одиночку. Никому.

Но через несколько секунд пристальный взгляд сидящего на вороном жеребце мужчины потеплел, в нем мелькнул невольный интерес. Однако дэйн отвернулся, стоило несуразной путешественнице залезть в телегу, и направил коня вперед. Глен прикрыл глаза от внезапно нахлынувшего облегчения, губы тронула осторожная улыбка — похоже, его удача снова при нем.

Перепутье. Маркус

Маркус почти забыл про старую Шильду, магессу, давно живущую отшельницей в глухой чащобе. А бабка учуяла девушку, которую бог с таким трудом вытащил из другого мира. Учужала, позвала и чуть было не сделала колдуньей. К счастью, не получилось.

Маги. Бог до сих пор сомневался в правильности своего решения, но менять что-либо не собирался. Колдуны — дети Моракки — слишком распоясались. Давно пора уничтожить их всех, потому что, если зло не остановить...

Хотя... Маркус перевел взгляд на свиток, лежащий перед ним. На желтой бумаге мерцали и переливались письмена. Они то вспыхивали, то почти гасли. Два имени. Таких похожих. Две судьбы. Таких разных.

Кого же выбрать?

Грехобор. Спустия время

Небо было пронзительным и ярким. Синим-синим. Столь глубоким оно бывает только осенью. Может, потому, что именно осенью на земле так много золота, которое оттеняет цвет бездонной выси? Солнце грело еще совсем по-летнему, но деревья уже сверкали где медью, где багрянцем. И трава поникла. Стала жестче. А земля была холодна.

И тихо. Так тихо тоже бывает только осенью. Ни щебетанья птиц, ни сонного гудения пчел, ни жужжания оводов. Ти-хо.